

Глава 10

Скоропадский, немцы и Белые армии

Весной-летом 1918 года Юг бывшей Российской империи представлял собой четыре образования, каждое из которых управлялось отдельно:

1) Украина, управляемая немцами через гетмана Скоропадского;

2) Крымское правительство в Симферополе;

3) Донская белогвардейская армия, позже переименованная во «Всевеликое войско Донское», с атаманом ген. П. Н. Красновым [380] во главе и с центром в Новочеркаске (П. Н. Краснов стал атаманом после того, как 29.01.1918 застрелился донской атаман генерал А. М. Каледин);

4) Добровольческая армия, основанная 25.12.1917 ген. М. В. Алексеевым (в свое время арестовавшим царя, а затем пытавшимся загладить зло, им принесенное). Командующий — ген. Л. Г. Корнилов (погиб под Екатеринодаром 31.03 (13.04).1918), после него — ген. А. И. Деникин; он же с 26.12.1918 (08.01.1919) — Главнокомандующий ВСЮР (Вооруженных сил Юга России).

Предводители Добровольческой армии всячески пытались доказать союзникам, Антанте, что они верны союзническому долгу, которому при царе была верна Россия. Но для бывших «союзников» Россия, в которой пылала гражданская война, превращалась в объект совсем других интересов: «...и немцы, и французы, и англичане едут в Россию не для России, а для себя, чтобы урвать с нее, что возможно...», — писал П. Н. Краснов [381]. И с этим нельзя не согласиться. Антанта

А. И. Деникин

уже в декабре 1917 года не считала себя полноценной союзницей Белых армий. Пока шла война, Антанта готова была объединяться со всеми, кто мог воевать с германцами. «Союзники» налаживали отношения и с УНР (как помним, в декабре 1917-го в Центральную раду явились представители «союзников»), и с большевиками (недаром

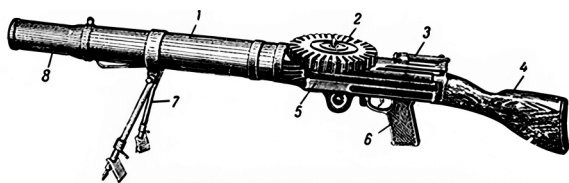

Рис. 140. Общий вид пулемёта Льюиса обр. 1915 г.: 1 — кожух; 2 — магазин; 3 — прицел; 4 — приклад; 5 — стальная коробка; 6 — рукоятка управления огнём; 7 — сошка; 8 — патробо́к

Ручной пулемет Льюиса
(иллюстрация из инструкции по эксплуатации пулемета)

военный атташе Франции Жак Садуль встречался с Лениным и Троцким).

После Брестского мира руководители Белого движения по-разному относились к оккупантам. Донской атаман ген. П. Н. Краснов активно сотрудничал с немцами, в то время как генерал А. И. Деникин брезговал общением с немцами и австрийцами, не признавал Брестский мир и продолжал возлагать надежды на Антанту.

Основные расхождения во взглядах у Краснова и Деникина сводились к следующему: атаман Краснов желал вовлечь Добровольческую армию, Кубань, Крым, Грузию, народы Северного Кавказа в объединение для борьбы с большевиками, но при этом считал, что каждое образование может сохранять свою самостоятельность и независимость. Такая раздробленность устраивала Краснова и вполне соответствовала немецким интересам. Деникин, напротив, исключал какую бы то ни было «независимость» российских территорий. Он считал, что борьбу с большевиками необходимо вести при объединении всех армий в одну, под общим командованием, не признавал самостоятельности Украины, Грузии, Терека, Крыма, Дона и Кубани. С точки зрения Деникина, лозунгом армии может быть только: «Единая неделимая Россия».

Атаман Краснов, наладив отношения с Киевом (с немцами и Скоропадским), получал от Украинской державы в обмен на зерно все необходимое для своей армии: боеприпасы, снаряжение и разные товары из Германии. Так, только в октябре 1918 года Всевеликое войско Донское получило 640 пулеметов Льюиса, 30 миллионов патронов к ним, 20 000 ручных гранат, около 10 миллионов 3-линейных патронов россыпью

и от 100 тысяч 3-дюймовых пушечных снарядов, а также кожу, продовольствие и т. д. Боеприпасы, как правило, поставлялись по распоряжению немцев с русских складов Екатеринославщины, заполненных еще при царе, при подготовке всеобщего наступления. Немецкая помощь способствовала укреплению Донской армии: если в мае 1918 года она насчитывала 17 тысяч сабель и штыков, то при содействии Скоропадского и немцев к концу 1918 года выросла до 45 тысяч и вытеснила советские войска с большей части территории Донской области.

Деникин, считая себя союзником Антанты, открыто провозглашал антигерманские лозунги. При таком положении дел рассчитывать на немецкую помощь он не мог. Однако помощь от Антанты была явно недостаточной, и Деникину хотелось получать оружие и боеприпасы, как их получал атаман Краснов, еще и от немцев. Приходилось идти на всякие хитрости: представитель Добровольческой армии генерал А. С. Лукомский просил атамана Краснова «под видом снабжения Дона» выпросить у Киева оружейные припасы для Деникина. Атаман Краснов просьбу выполнил, хотя его и возмущало, что Деникин, презиравший немцев, использовал его, атамана П. Н. Краснова, как посредника. «Да, да, господа! — восклицал Краснов. — Добровольческая армия чиста и безгрешна. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого

Русское трехдюймовое полевое орудие образца 1902 года

Генерал от артиллерии Н. И. Иванов, 1918 г.

Дона и чистенькими передаю Добрармии! Весь позор этого дела лежит на мне» [382].

В целом помощь была немалая: Деникину удалось получить от немцев через атамана Краснова треть всех поставляемых с Украины снарядов и четверть всех патронов [383]. Вместе с тем не стоит думать, что немцы, передавая оружие и боеприпасы Краснову и Деникину, желали им успеха. Герцог Г. Н. Лейхтенбергский вспоминал, что немцы в Батайске учредили заставу, которая не пропускала оружие для Белой армии на Кубань «дабы избежать нареканий со стороны большевиков в поддержке их противников» [384]. Немцы действовали так, чтобы всегда оставаться хозяевами положения и не дать укрепиться ни одной из русских сил — ни белым, ни красным, ни даже своей марионетке — Скоропадскому (ведь даже ему не позволили провести рекрутский набор, опасаясь, как бы гетман не вышел из-под контроля). Немцы не возражали, чтобы бывшее Российское государство слабело дальше и чтобы русские били друг друга как можно дольше.

Сейчас мало кто вспоминает, что, помимо упомянутых Белых армий, на Юге России должна

была воевать еще одна армия. Летом 1918 года под эгидой немцев, на их деньги и при участии крайне правых русских организаций в Киеве формировалась так называемая «монархическая» Южная армия. Кроме немцев, поощрявших ее комплектование и создание, на дело создания армии жертвовали деньги крупные земельные собственники. Курировала создание армии монархическая организация «Наша Родина», существовавшая на средства немцев и располагавшаяся в Киеве. Главные роли в ней принадлежали присяжному поверенному М. Е. Акацатову и герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому. Возглавить Южную добровольческую армию сначала предложили генералу графу Ф. А. Келлеру, известному своей преданностью царю. Но генерал граф Келлер от предложения отказался, как отказался и генерал князь А. Н. Долгоруков. Генералу от кавалерии Драгомирову предложили занять должность начштаба Южной армии, но и он отказался:

«Это немецкая затея! Это делается на немецкие деньги лишь для того, чтобы помешать работе Добровольческой армии. Эта армия создается не на пользу, а во вред России ее заклятыми врагами — немцами» [385]. С просьбой возглавить монархическую армию обращались и к великому князю Николаю Николаевичу, но и он отверг предложение, видя в нем явную авантюру (об этом пишет А. И. Деникин в «Очерках русской смуты»). В конце концов возглавить создаваемую армию уговорили бывшего главнокомандующего Юго-Западным фронтом, героя Львова и Перемышля, генерала от артиллерии Н. И. Иванова. Прославленный генерал являлся кавалером ордена Святого Георгия II степени, очень высокой награды (такой награды удостоились во время Первой мировой войны в русской армии всего четыре человека — ген. Н. Н. Юденич, ген. Н. В. Рузский, великий князь Николай Николаевич (младший) и ген. Н. И. Иванов. Отметим, что в русской армии лиц, награжденных орденом Св. Георгия I степени в Первую мировую войну, вообще не было.)

Прославленный генерал Н. И. Иванов, заслуживший ту высочайшую награду, уже не молодой, после развала армии пережил оскорбления от солдат, которых так любил. Ко времени создания монархической армии он уже очень ослабел,

но он «был знамя, к которому охотно шли офицеры» [386].

В Киеве идея создания монархической армии быстро стала весьма популярной. Появились офицеры, которые охотно в нее записывались. Когда армия попадет на фронт, было неизвестно, «...к ней выгодно было подписаться героям тыла, любителям воевать на Крещатики и на Подоле. Офицеры понадевали на себя погоны, нашли на рукава полоски бело-желто-черного цвета — «романовских» цветов — и двуглавые орлы, распевали по кафе «Боже, царя храни» и очень мало думали о спасении родины и о царе» [387].

Как часть Южной армии был сформирован Астраханский корпус числом около 3 тыс. пехоты и 1 тыс. конных. Возглавил его атаман Астраханского казачьего войска, калмыцкий князь Д. Тундутов (1888–1923), бывший в 1915 году личным адъютантом командующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича. Теперь приходилось сотрудничать с немцами, и он объявил себя «другом императора Вильгельма» [388]. При непосредственном участии Скоропадского была сформирована Русская народная армия из крестьян Саратовской губернии, преобразованная приказом донского атамана Краснова в Саратовский корпус Южной армии. Корпус насчитывал около 200 человек. В то время у большевиков были отвоеваны части Богучарского и Бобровского уездов Воронежской области, но в связи с тем, что донские казаки отказывались защищать эти территории, Краснов дал согласие на формирование на этих территориях Воронежского корпуса Южной армии. Таким образом, в создаваемую при помощи немцев монархическую Особую Южную армию генерала Н. И. Иванова вошли Воронежский, Астраханский и Саратовский корпуса. Впоследствии предполагалось каждый корпус развернуть в армию и создать Южный фронт, в который должна была влиться Донская армия, но этого не случилось.

Штаб Южной армии находился в Киеве. Но дело вербовки продолжалось и в других городах. В штаб стали поступать предложения от целых офицерских составов кавалерийских и пехотных полков бывшей царской армии, желавших со своими знаменами и штандартами, спасенными ими

в дни революции, а также при условии сохранения старых наименований их полков, войти в состав монархической армии [389].

Офицеры принимали решение поступить в монархическую армию, исходя из того, что добровольцы, Деникин воевали за «Единую неделимую», но не за царя, а за установление в России республики, за мифическое «Учредительное собрание», уже однажды разогнанное большевиками. Хотя официальной политикой белых было «не предрешение», то есть решение о том, какой должен быть строй в России (монархия или республика), откладывалось до созыва Учредительного собрания, на деле «завоевания революции» (февральской) в Белых армиях никто не собирался отменять, а о восстановлении монархии говорить было не принято. Периодически раздавались слабые голоса, говорившие, что без монархического лозунга в армии не обойтись, но ничего не менялось. Монархические знамена в армиях Деникина и Краснова не поднимались, имя царя было забыто, Государственный гимн не звучал, он был заменен Преображенским маршем. Лозунг «За Веру, Царя и Отечество» не произносился. Все Белое движение шло под лозунгом построения новой России и, как выразился Н. В. Краинский, «воплями, что к старому возврата нет». От старой русской армии оставались лишь императорские погоны. Да и с них, еще в марте 1917 года, генералы, предавшие царя, срывали вензеля. Многих офицеров, наблюдавших это, одолевала тоска по прославленной старой армии Российской империи, и они, узнав о появлении монархической Южной армии, покидали Деникина и переходили под знамена монархистов. Герцог Г. Н. Лейхтенбергский писал:

«Добровольческая армия осталась при своих туманных лозунгах, но продолжала дуться и сердиться на то, что лучшие офицеры вступали в ряды Южной, Астраханской, а позднее и Саратовской армий» [390].

Однако перед офицерами, направлявшимися под монархические знамена, вставала непреодолимая дилемма: с одной стороны, они сохраняли присягу, данную Государю, с другой — должны были, воюя с большевиками, опираться на помощь немцев, с которыми царская армия недавно воевала, и при этом им следовало

отвернуться от Антанты, то есть от бывших союзников царя, которым царь всегда был верен и с которыми до сих пор продолжала воевать Германия...

Немаловажным для поступающих в Южную армию было и то, что офицерам гарантировалось неплохое денежное довольствие.

Существовала еще одна причина, по которой оставшиеся в Киеве офицеры записывались в Южную армию: под конец царствования Скоропадского уехать из Киева к Деникину стало почти невозможно. Пытавшихся это сделать арестовывали по доносам «щирых» и сажали в тюрьмы как противников «Вильной Украины». Поэтому офицерам приходилось идти на хитрость — они записывались в Южную армию, а затем, вырвавшись из Киева и не доверяя немецкой затее, направлялись к Деникину.

Немцы, хотя и взялись финансировать монархическую армию, но оружия ей выделяли «в ничтожном количестве» [391]. При этом еще и оговаривалось, что если возникнут столкновения между немцами и Деникиным, то Южная армия ни в коем случае не должна будет становиться на сторону Деникина, а должна будет либо соблюдать нейтралитет, либо вообще расформироваться и вернуть немцам полученное от них оружие [392]. Появление монархической армии вносило разлад в офицерскую среду, что немцам и требовалось. Главной их задачей было раздробить, обескровить ВСЕ русские армии, сделать так, чтобы былой противник никогда не смог возродиться. Некоторым это было совершенно очевидно:

«...не подлежит сомнению, — говорил граф Келлер, — (...) что немцы преследуют ту же цель — разъединение офицерства» [393].

Таким образом, очевидно, что «...немцы играли с Украиной так, как кошка играет с мышью: то придавит, то даст побегать и насладиться иллюзией свободы, зорко следя в то же время, чтобы добыча не ушла от хищника-победителя» [394]. Подтверждением тому служит факт, что немцы одновременно с формированием Южной армии посылали своих офицеров-инструкторов в большевистские отряды. Глубинной целью оккупантов было: чтобы русские били друг друга как можно дольше.

Однако незаметно наступила осень 1918 года,

и все стали понимать, что Германия проигрывает войну. Созданная при их помощи монархическая армия уже не могла сыграть серьезной роли. Общественной поддержки у нее не было: офицеров набрать удалось, а солдат — нет. Простой люд не шел служить в армию, созданную немцами, он все больше хотел верить в большевистские посулы.

В ноябре 1918-го, после объявления о проигрыше Германии, немцы продолжали оставаться в Киеве. И русские монархисты все еще сидели под крылышком у Скоропадского и немцев, не решаясь никого из них не критиковать:

«Сколь отрицательно ни относились к хохломании съехавшиеся в Киеве русские политические деятели, сколь ни осмеивали они в частных беседах опереточный двор Скоропадского с его украшенными «оселедцами» флигель-адъютантами, все же никаких выступлений против него не предпринимали, а наоборот, готовы были его всемерно поддержать, вполне сознавая, что при данных условиях падение гетманской власти (...) до свержения большевиков в Москве обратит весь Юг России в большевистский застенек. Настроение народных низов в Киеве было определено большевистское, и на базарах открыто велись разговоры на тему о распространении на Украину райских, по их представлению, условий народной жизни в Совдепии» [395].

Потеряв своего спонсора, проигравшую войну Германию, монархическая армия стала нежизнеспособной. В начале 1919-го остатки этой значительно поредевшей армии влились-таки в Добровольческую армию Деникина. 29 января 1919 года командующий Южной армией, генерал от артиллерии Н. И. Иванов умер от сыпного тифа [396].

В. И. Ленин

Германский генерал Людендорф

Император Николай II с семьей

Николай II и его брат, король Англии Георг V

